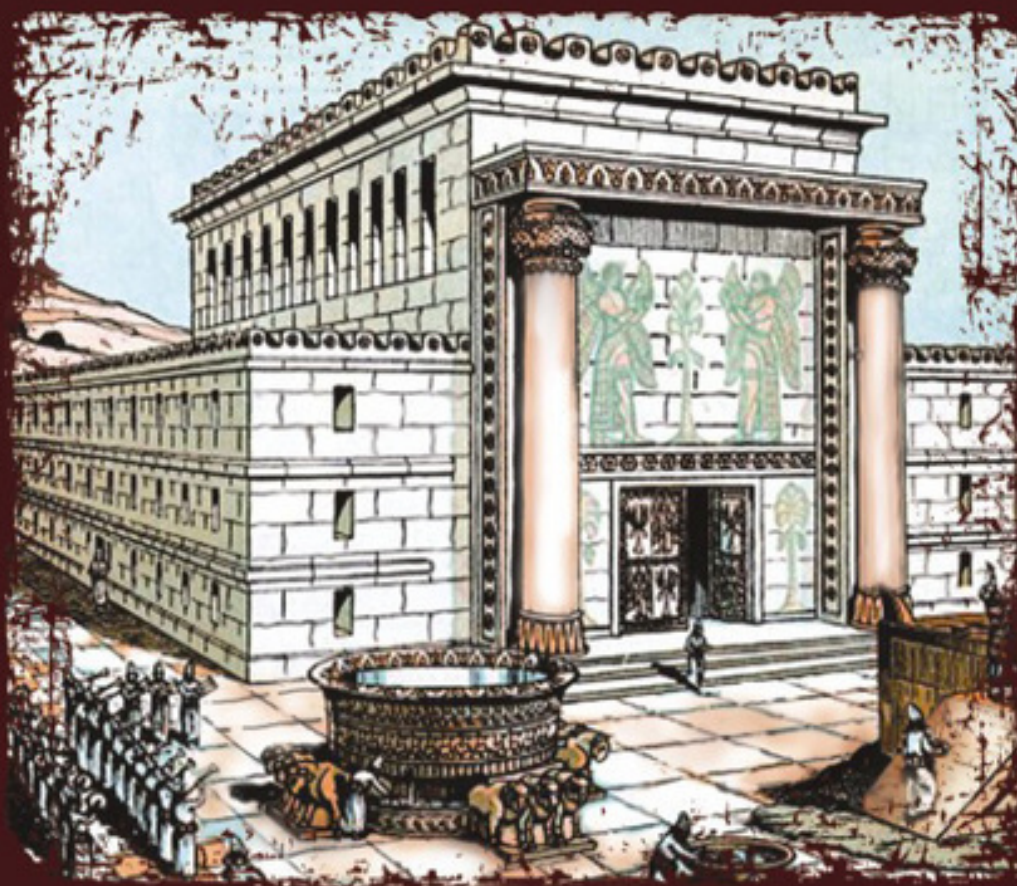

Давид Малкин

КОРОЛЬ ШЛОМО

Давид Малкин
Король Шломо

«Книга-Сэфер»

2004

Малкин Д.

Король Шломо / Д. Малкин — «Книга-Сэфер», 2004

Давид Малкин – автор восьми книг и более сотни публикаций, обладатель нескольких престижных литературных премий. Роман «Король Шломо» входит в серию романов-биографий древнееврейских королей «Золотой век еврейской истории», написанных Давидом Малкиным за 25 лет его жизни в Израиле. Все книги основаны на летописях Танаха («Ветхого Завета»), сочинениях древних и современных религиозных мыслителей, а также на новых открытиях историков и археологов. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся древнееврейской историей.

Содержание

От автора	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Давид Малкин Король Шломо

Как всегда – Израилю и Иерусалиму

*Вышина небес, глубина морей и сердца царей – непостижимы...
Шломо бен-Давид, «Мишлей» («Притчи»)*

Курсивом выделены цитаты из трёх произведений, которые традиция приписывает королю Шломо.

Полужирным шрифтом выделены остальные библейские цитаты.

От автора

Я вижу твоё удивление, читатель: почему «король», а не «царь» и почему Шломо, а не Соломон? Роман написан по-русски, а русская традиция увековечила: «царь Соломон». Но в Иерусалиме, где происходит действие романа, я за двадцать пять лет жизни ни разу не встретил ни единого Саула, Самуила или Соломона. Зато на каждой улице живут Шаули, Шмуэли и Шломо. Постарайся привыкнуть к тому, что персонажи моих романов – евреи и у них «экзотические» имена.

Имена собственные и названия

Слово «царь» пришло в русский язык из латыни с именем императора Юлия Цезаря. Царями именовались прежде всего монархи-самодержцы – правители держав. Этот же термин относился и к женщинам: царица Савская¹, царица Клеопатра, царица Тамара. За что была оказана такая же честь первыми переводчиками Библии на русский язык (с греческого, а не с оригинала!) Шаулю, Давиду и Шломо – не знаю, но термин этот явно не подходит небольшому древнееврейскому государству. Царь – это Иван Грозный, самодержец Руси, но не Давид, управлявший несколькими городами и десятком селений.

От другого имени – Карла Великого – осталось в русском языке слово «король» для европейских монархов периода активного развития западной истории, периода войн, интриг, перекраивания пограничных земель, бунтов, развития искусства и философии. Таковы были и древнееврейские государства периода, о котором идет речь в моих романах.

И Цезарь, и Карл родились много столетий спустя после Давида, а значит, право выбора между «царством» и «королевством» остаётся за нами с тобой, читатель. Я предпочёл «король», оставив «царство» для Святой земли, но не для смертных её правителей: Царство Божье. Да ведь на современном Ближнем Востоке и нет царей – одни короли: Саудовской Аравии, Иордании, Марокко. Так их и называют газеты.

А «иврим»... Большинство учёных полагают, что именно так называли евреев три тысячи лет назад: «народ, пришедший из-за реки» (вероятно, из-за Евфрата).

Если это и неверно, то другого названия у нас нет: «иудей» тогда означало принадлежность к племени Иуды, «израильтянин» – к одному из северных племён, скорее всего, к Эфраиму. О таком новом слове, как «евреи», в период Первого Храма говорить ещё слишком рано.

Это мучение и для писателя, и для читателя – впервые воспроизводить на иностранном языке (в данном случае – на русском) библейские термины и имена собственные. Но надо же когда-то начинать. Если на иврите написано: Бная бен-Иояда, а в синодальной транскрипции: Ванея, у меня закрадывается подозрение, что монах-грек, переводивший эту Книгу Царств на русский, был не вполне трезв. Так и получилось: написано Бат-Шева – переведено Вирсавия; написано Шмуэль – переведено Самуил и т. д. Но нет у евреев и никогда не было Вирсавий и Ванеев!

При всём уважении к традиции, я вижу, что такой термин, как «колена» не пошёл дальше Библии, а значит, в русском языке не прижился; посемя я придаю ему его истинный смысл: «племена», вернув слово «колена» анатомии. Я внимательно слежу за поисками эквивалентных терминов и собственных имён моими коллегами – первопроходцами поневоле (прежде всего, в русскоязычной десятитомной «Еврейской Энциклопедии») и вынужден был в этом романе-жизнеописании короля Шломо смиренно вернуться к «неправильным, но въевшимся

¹ В романе она действует под своим исконным библейским именем: Царица Шевы.

в память» терминам и названиям: Египет, филистимляне, Дамаск. Но есть же «красная черта»! Если русскоязычный читатель встречал имя Самей, читая отрывки о завещании короля Давида сыну Шломо, а потом, читая Танах в подлиннике, увидит, что отмщён был Шими – как он должен догадываться, что казнён был именно тот человек, о котором говорил Давид?

Так зачем нам эти загадки при постижении Ветхого Завета?

Исходя из этих соображений я и предлагаю читателю вместе со мной начать привыкать к тому, что Танах был написан на древнееврейском языке иврите и повествует не о греках или викингах, а о древних евреях, и поэтому не Иисус Навин, а Иошуа бин-Нун; и не Фамарь, а Тамар.

Названия месяцев

Современная наука полагает, что названия месяцев: нисан, адар, ияр и т. д. – древние евреи принесли с собой из вавилонского плена, то есть столетия спустя после описываемых в романе «Король Шломо» событий. Поэтому я принял за основу самый древний из найденных археологами в Эрец-Исраэль календарей, так называемый «Земледельческий календарь из Гезера», где месяцам дано цифровое обозначение. На этот же календарь ссылается Танах: «И Господь говорил Моше в пустыне Синай в Первый месяц второго года после исхода их из земли Египетской...» (Числа, 9:1).

Приблизительную связь между Земледельческим, Вавилонским и современным Грегорианским календарями я постарался свести в следующую таблицу с той лишь целью, чтобы читателю было проще ориентироваться в хронологии событий, описываемых в романах:

Грегорианский календарь	Вавилонский календарь	Земледельческий календарь
март	Шват/Адар	месяц Весны, Первый.
апрель	Адар/Нисан	месяц Зив, Второй.
май	Нисан/Ияр	месяц Жатвы, Третий.
июнь	Ияр/Сиван	месяц Подрезания лозы, Четвёртый и Пятый
июль	Сиван/Тамуз	
август	Тамуз/Ав	месяц Проса и ячменя, Шестой
сентябрь	Ав/Элул	месяц Сбора плодов, Седьмой
октябрь	Элул/Тишрей	месяц Бул, или Восьмой
ноябрь	Тишрей/Хешван	месяц Сева, Девятый и Десятый
декабрь	Хешван/Кислев	месяц Последнего дождя, Одиннадцатый
январь	Кислев/Тевет	месяц Позднего сева, Двенадцатый
февраль	Тевет/Шват	

Хочу предупредить, что ввиду несовпадения количества дней в месяцах в разных календарях, связь, показанная в таблице, является приблизительной, справочной.

Часть I ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Глава 1

Наама допоздна гуляла с маленьким Рехавамом у старой Ивусейской стены. Внезапно она встревожилась: что если Шломо её ждёт? – и быстро пошла домой.

Шломо в задумчивости сидел на полу. Он поднялся навстречу Нааме, обнял её, поцеловал, спросил о сыне, но слушал невнимательно. Наама догадалась, что Шломо очень старался весь этот день, чтобы люди не заметили, как растерян их новый король.

После нескольких фраз он подошёл к дверному проёму, убедился, что стража действительно ушла, вернулся и заговорил, не переставая ходить по комнате.

– Мне было тогда лет пять. Иоав, наш бывший командующий, сажал меня к себе на колени и, разговаривая с Давидом, моим отцом, ерошил мне волосы. Помню его прикосновения. Рука жёсткая, пахнет землёй. Он позволял мне потрогать меч у него на поясе – тот, о котором солдаты рассказывают, будто он смазан змеиным жиром и по приказу Иоава сам выскакивает из ножен.

Один светильник стоял в нише, другой – посреди земляного пола, и Наама боялась, что Шломо заденет его и масло разольётся. Она сидела, поджав под себя ноги, глядела на мужа и слушала.

Шломо опустился на пол рядом с Наамой, приблизил к ней лицо и зашептал:

– А сегодня Иоава убили. Когда я пришёл, его только что вытащили из шатра со священной утварью – он туда убежал и ухватился руками за жертвенник. Бная бен-Иояда воткнул Иоаву нож в шею, вот сюда, и тот даже не вскрикнул. Это мне рассказали, когда я пришёл. Вижу, он лежит на песке – старый, толстый, борода в крови... Почему отец не простил Иоава? Почему не вспомнил, как тот верно служил ему, сколько ран получил на войне и какие победы одерживал?

Шломо замолчал, Наама протянула ему чашку с водой. Он отпил, глядя в пол, вздохнул и продолжал:

– Зачем отец завещал мне эти убийства, Наама! Но если отец так решил, значит, я должен был исполнить его волю. Верно?

Наама притянула его голову к своей груди.

– Верно, мой Шломо. – И заговорила о другом: – Мы с Рехавамом пришли на луг возле старой Ивусейской стены – знаешь, за колодцем? Ему очень понравилось, как там пели девушки. Сидел тихо-тихо, не плакал, ничего не просил, а потом не захотел уходить.

– Я знаю этих девушек?

– Да, – подтвердила Наама, – они танцуют на свадьбах, – и засмеялась, вспомнив: – Они и меня втянули в круг, я тоже с ними танцевала. Что они пели? Вот:

«Оглянись, оглянись, Шуламит!

Как прекрасны ноги твои в сандалиях!»

– «Как прекрасны ноги твои в сандалиях!» – повторил Шломо и поцеловал её колени.

Наама поднялась и, припевая, закружилась вокруг светильника. Шломо хлопал в ладоши в такт её пению, потом спохватился:

– Почему Шуламит? Они что, не знают твоего имени?

– Знают. – Наама, прерывисто дыша, опустилась на пол рядом с мужем. – Наверное, им легче называть меня иудейским именем, а не моим, аммонитским.

– Ну, если так, пусть будет Шуламит.

– Они даже пели... Нет, уже не помню. Кажется, «Отчего так темна твоя кожа?» Нет, не помню. Но я им отвечала:

*«Черна я, но красива, дочери Ерушалаима,
как шатры Кейдара <...>*

*Не смотрите, что я смугла —
это солнце опалило меня!*

*Братья рассердились на меня и поставили стеречь виноградник». – Девушки смеялись.
Смеялся и Шломо. Потом встал, поцеловал её и зашептал:*

*– «Как прекрасна ты, подруга моя,
как ты прекрасна!*

Глаза твои – голуби».

Обнимая его, она возвращалась к рассказу:

– Ещё я им пела:

*«Заклинаю вас, дочери Ерушалаима:
если вы встретите друга моего —
скажите ему, что я больна любовью».*

Наама очнулась первой.

– Слышишь? – спросила она.

– Это – горлицы, – сонным шёпотом отозвался Шломо.

– Идём! – тормошила мужа Наама. – Я заметила на берегу Кидрона пастушеский шалаш. Если он не занят, мы с тобой побудем там – как поют наши девушки: *«пока не повеял день и не побежали тени»*. Помнишь, как пахнут во Втором месяце дикие лилии? Они сейчас расцвели перед самым входом в шалаш. Идём, Шломо, скоро полночь!

– Да, – сказал он, но поднимался медленно, шептал: – *«Как прекрасна ты среди наслаждений!»*

– Почему ты улыбаешься? Скажи мне что-нибудь, Шломо.

– *«Стан твой пальме финиковой подобен,
груды твои – гроздьям.*

*Подумал я: “Заберусь я на пальму,
за её ветви схвачусь,
и да будут груди твои, как грозди виноградные,
запах ноздрей твоих – яблочный...”»*

Обнявшись, оба спускались по террасам на берег ручья Кидрон. Холмы вокруг были пронизаны звёздным светом; буря любви вершилась в весенней природе: раскалывались бутоны ночных цветов, ворковали голубки в гнёздах среди камней возле самых ног Наамы и Шломо. Этим утром подул сухой знойный ветер, и к ночи земля покрылась гусницами, розовыми и пушистыми, ползущими по всем тропкам.

Двое шли, обнявшись, и каждый думал:

Он: *«Вот зима прошла, дождь миновал, удалился,
цветы показались на земле.*

*Время пения настало,
и голос горлицы слышен в нашем краю.*

*На смоковнице созрели плоды;
лоза виноградная зацвела, она благоухает...*

Голубка моя, возлюбленная моя!

*В расселинах скал, среди их уступов дай мне увидеть твоё лицо, услышать твой голос —
ведь твой голос сладок, а лик твой прекрасен!»*

*Она: «Друг мой принадлежит мне, а я — ему,
пасущему среди лилий <...>
Он подобен молодому оленю в расселинах гор».*

Шалаш оказался незанятым. В темноте ночи вокруг него светились дикие лилии. Ростки их поднялись из луковиц, в коронах белели колокольчатые цветы. Нежный запах и прохлада наполнили талант.

Травы весенней земли стали постелью Шломо и Наамы. Он шептал:

«Как ты прекрасна, подружка моя, как ты прекрасна!

Голуби — очи твои из-под фаты твоей!

Волосы твои — будто козы,

что сбегают с гор Гилада,

зубы твои — стадо храмовых овец,

что выжили из купальни —

все они без порока, и бесплодной нет среди них.

Как алая нить губы твои, и милы твои уста».

Двое запомнили эту ночь навсегда, будто испугались, что ей не суждено повториться.

Глава 2

Над Ерушалаимом задержалась весна. Шёл уже второй её месяц, а стены выстуженных за зиму домов всё ещё не отогрелись.

В комнате горел очаг. Недалеко от него распласталась по земле вислоухая коза. Потрескавшимися от холода губами она брала листики, которые протягивал ей, отрывая от веток, пророк Натан. Он недавно очнулся от дремоты и теперь, сидя на подстилке близ очага, кормил козу и диктовал начинающему писцу – худенькому мальчику в длинной полосатой рубахе:

– Господь наградил своего любимца Давида многими сыновьями. Были они и красивые, и умные, и храбрые, и...

– Добрые, – подсказал писец.

Пророк Натан посмотрел на него, вздохнул и продолжал:

– Но лишь один из них понял замыслы Давида, догадался, за что Бог любит его отца и прощает ему все грехи. Да, это был Шломо. Я говорил Давиду: «Ты не смотри, что он слабенький, этот мальчик. Господь дал ему мудрое сердце, а ты оставь ему власть. Шломо ещё не понимает, но чувствует, что дело отца – от Бога и, значит, его нужно продолжать».

– «Продолжать», – повторил пророк Натан. – Пиши дальше: «Все племена иврим вместе завоёвывали Эрец-Исраэль – землю, которую заповедал Господь праотцу Аврааму и его потомкам. Но когда народ пришёл сюда, судья Иошуа бин-Нун – да будет благословенна его память – разделил землю между племенами, чтобы каждое очистило свой надел от язычников и их капищ, жило в нём, как положено детям Авраама, и защищало эту землю от врагов». Почему ты не пишешь? Потому что ни одно из наших племён не выполнило завет Иошуа бин-Нуна?

– Нет, нет, – сказал мальчик. – Я пишу. Говори дальше.

Пророк Натан потёр рукой лоб.

– Я сбился, – сказал он хмуро. – Пойди поешь, потом продолжим.

Ветер, проникая в дом через щели, раскачивал пламя светильника, и, будто следуя за пламенем, метались мысли Шломо.

«Кто это был? Кто? – в отчаянье думал он, вспоминая ночное видение. – Кто мне сказал: “Твой отец дал людям Псалмы – слова, которыми человек может говорить с Богом. Но люди ещё не смеют произнести их. Поэтому ты должен построить дом Бога, куда иврим придут, чтобы говорить с Ним”? Я должен построить Храм!»

Шломо вдруг это стало так ясно, что он испугался и проснулся. Сел на постели, повторил вслух:

– Я должен построить дом Бога.

Король Шломо позвал слугу и велел ему найти писца, который не спит. Когда писец пришёл, король Шломо продиктовал ему приказ: «После осенних праздников с Божьей помощью начать строить Храм, как завещал нам король Давид. Советнику Ахишару отправиться в Цор² к царю Хираму I и передать: король Шломо принимает все его условия и хочет скорее начать строить дом Бога нашего на горе Мориа».

Отпустив писца, король Шломо остался один, смотрел на пламя светильника и думал.

«Я больше не сомневаюсь, что пришла пора строить Храм. Но люди не раз будут спрашивать: зачем. Разве мало есть у иврим жертвенников, которые они называют храмами? Теперь я знаю, что Давид замыслил что-то совсем другое, чего не было ни у иврим, ни у их соседей:

² Цор – во времена Давида и Шломо царство на Финикийском побережье, граничавшее на северо-западе с государством иврим (территория современного Ливана).

дом Бога. С кем мне поделиться своим сновидением? С Наамой? Она будет слушать, ничего не понимать и улыбаться. С моим учителем, пророком Натаном? Завтра я встречу с ним и буду говорить о Храме.

Храм... Может, Бог посылает мне собеседника? Ведь я всегда просил Его об этом. Когда построю Храм, я спрошу у него: «Почему одна и та же участь предназначена праведнику и нечестивцу, доброму и злему, тому, кто приносит жертвы, и тому, кто забыл Бога? Почему?»»

Зная, что ещё долго не уснёт, король Шломо вышел из дома и направился на гору Мория, чтобы ещё раз осмотреть место, выбранное его отцом для Храма.

Ночь накрыла Ерушалаим такой темнотой, что догадаться, где жилье, можно было только по блязням овец в загонах.

– На Песах³ тебе нужно принести мирные жертвы за дом Давида и за весь народ, чтобы укрепилось твоё королевство, – сказал первосвященник Цадок, и Шломо понравился его совет. Он рассказал о нём командующему Бнае бен-Иояде.

– Значит, пойдём в Гив'он, – сказал командующий. – Там и Священный шатёр, в котором Ковчег Завета находился в пустыне Синай, и жертвенник. Народу соберётся очень много, а в Гив'оне есть большой холм – на нём как раз стоят и Священный шатёр, и жертвенник. Устроим праздничное жертвоприношение. Народ разместится у подножья холма и по его склонам.

Ковчег Завета – деревянный ящик, в котором хранились каменные плиты с Десятью Заповедями, данными Богом народу иврим на горе Синай, – Давид перенёс в завоёванный Иву с. Теперь это разросшееся селение стало называться «Город Давида». Священный шатёр и жертвенник оставались в селении Гив'он, в наделе племени Биньямина.

Гив'он находился в двух парсах⁴ севернее Ерушалаима. За два дня до Песаха триста молодых священнослужителей с ритуальной посудой и инструментом отправились в Гив'он, чтобы всё подготовить к празднику. Среди них были и музыканты, так что во время пути непрерывно слышались барабаны и бубны.

Со священнослужителями пошёл и сам первосвященник Цадок. Он тоже одобрил выбор Гив'она:

– Там есть большой бассейн с проточной водой и ещё глубокий колодец, а нам нужно омыть перед жертвоприношением двести овец. Да и жертвенник пока переносить некуда.

На следующий день король, его семья, приближённые и жители Ерушалаима двинулись в Гив'он. Северная дорога была забита иврим со всей Эрец-Исраэль. Они отправились в путь, узнав, что жертвоприношение в Гив'оне будет проводить их новый король.

Начинался 2908 год от сотворения Мира – четвёртый год правления Шломо в Ерушалаиме. В прошлом и позапрошлом годах Наама родила ему двух дочерей. Девочкам дали аммонитские имена: Тафат и Басемат.

Обе они и их старший брат пятилетний Рехавам ехали с матерью на запряжённой волами повозке. На волов надели разноцветную сбрую с глиняными колокольчиками и венки из лесных маков, собранных на привалах. Король Шломо, командующий Бная бен-Иояда и советник Ахишар в парадных одеждах шли во главе растянувшейся процессии, а солдаты при полном вооружении – по обеим её сторонам, следя за порядком.

³ Песах – или Еврейская Пасха, праздник, установленный в память об освобождении евреев из египетского рабства.

⁴ парса – древнееврейская мера длины, равная приблизительно 4,5 км.

Едва миновав ворота в стене селения Гив'он, прибывшие из Ерушалаима увидели большой холм и множество народу, столпившегося у его подножья. Священнослужители выделялись в толпе сверкающими белизной рубахами. Первосвященник Цадок находился уже где-то на самом верху холма, присматривая за приготовлением жертвенного мяса, переборкой и мытьём зелени для вечерней церемонии. Внизу, по другую сторону холма, в выложенных камнями и обмазанных глиной ямах пеклись пресные лепёшки.

Шломо и пророк Натан вышли из толпы ерушалаимцев и стали медленно подниматься наверх, разглядывая происходящее вокруг жертвенника. Большинство народа никогда раньше не видело короля Шломо, и все старались подойти к нему поближе. Солдаты с трудом сдерживали толпу.

Поднявшись на холм, король Шломо подошёл к священнослужителям, разделяющим тушу овцы, и загляделся на их ловкие движения. Похвалив священнослужителей, он стал разглядывать жертвенник.

Мастер Бецалель бен-Хур в пути через пустыню Синай построил жертвенник по указаниям праотца Моше, полученным им от Бога. На четырёх углах жертвенника были выступы – «рога», на которые выливалась кровь животных. Наверх вёл пандус.

Иврим после выхода из Египта и скитаний по пустыне, отвоевав обетованную им Господом землю, оказались в роще у селения Шило. Там они впервые установили жертвенник. После того, как враги разрушили Шило, жертвенник перенесли в Нов – город священнослужителей, а затем в Гив'он.

Вечером после жертвоприношения король Шломо и первосвященник Цадок, сменяя друг друга, громко читали рассказ о выходе иврим из египетского рабства. Народ, расположившись у подножия холма, ел пресные лепёшки, положив на них жертвенное мясо с листьями дикого салата. Мехи с молодым вином, кувшины с колодезной водой и горы чашек высились на траве в середине круга, который образовала каждая семья. Дети бегали и шумели, а взрослые возлежали на земле, подперев голову руками, и слушали длинный рассказ о том, как их предки, уходя от погони фараона, с верой в своего Бога вошли в морские воды, и те расступились.

Строгая церемония праздника Песах давно закончилась, а Шломо перед входом в Священный шатёр всё ещё молился, прося у Господа помощи и совета.

– Умудри меня, Господи! – шептал Шломо. – С чего мне начать?

Ему хотелось уйти в пустыню, подумать в уединении, но сегодня это было невозможно. Всюду, сколько мог видеть глаз, горели костры и раздавался гул голосов.

Под низкими яркими звёздами короля провели к его палатке, окружённой солдатскими постами. Шломо разделся, лёг и сразу впал в сон, такой крепкий, что даже не слышал, как Наама утихомиривает разыгравшихся детей.

– **Шломо! Проси, что Мне дать тебе,** – услышал он Голос.

– **Дай мне мудрость и знание, чтобы умел я судить народ Твой.**

– **За то, что это было на сердце твоём, Шломо, и не просил ты ни богатства, ни славы, ни душ врагов своих, а также долголетия не просил ты, а просил для себя мудрости и знания, чтобы судить народ Мой, над которым Я поставил тебя, – мудрость и знания уже даны тебе, а богатство и славу Я дам тебе такие, каких не бывало у правителей до тебя и не будет после тебя...**

Советники, придя рано утром, застали короля стоящим у входа в палатку. Шломо поднёс палец к губам: Наама и дети ещё спали.

Глава 3

С окончанием Одиннадцатого месяца в Эрец-Исраэль заканчивается осень. В три цвета окрашивается тогда земля вокруг Ерушалаима: в ярко-зелёный – ячменные поля, в золотой – бахчи, а дальше к пустыне – в серебряный: кусты колючек вперемежку с камнями.

В Одиннадцатом месяце пастбища увядают, кормов становится мало, наступает самое подходящее время для убоя скота и сдачи десятой части мяса и кожи сборщикам податей.

Священнослужитель Элицур бен-Аднах шёл в селение Манахат повидаться со старым пророком Натаном. Тот каждое утро собирал детей и читал с ними свитки Учения, где рассказывалось о сотворении Богом мира, о том, как праотец Авраам первым назвал себя «иври», как Господь заключил с ним союз и обетовал ему и его потомкам Эрец-Исраэль, об истории скитаний иврим по пустыне Синай, после того как Моисе вывел их из египетского рабства. Со старшими детьми пророк Натан изучал Закон, добавляя к Учению свитки, в которых рассказывалось о правилах жертвоприношения и суда и обычаях повседневной жизни иврим.

Помня, что по утрам Натан учит детей, Элицур не спешил.

Спускаясь по широким террасам на южном склоне Ивусейского холма, он обменивался приветствиями с горожанами, грелся на солнышке и слушал, как поют птицы.

Ерушалаим быстро разрастался. Он уже занимал не только Ивусейский холм с Городом Давида, но и гору Мориа, кроме её вершины, где подготавливалось место для будущего Храма. Во множестве строились жилые дома для увеличивающегося населения главного города иврим, появились первые четырёхкомнатные строения. В прошлом году в той части города, которая называлась Мило, начали засыпать седловину и террасы, чтобы построить здания архива и склады. В центре Мило сохранились остатки крепости Цион, разрушенной при захвате города Ивуса воинами Давида. Король Шломо приказал отстроить её заново.

Спускаясь к подножию холма, чтобы выйти из города, Элицур разглядывал новый участок городской стены. Ахишар, советник короля Шломо, хотел закончить этот участок к следующему празднику Песах. Из-за приближающихся зимних дождей строители спешили расчистить и укрепить стоки под стеной, особенно под воротами – Овечьими, Источника, Долинными. **«Любит Господь врата Циона больше всех обителей Якова»**, – вспомнил Элицур псалом короля Давида.

Он сел передохнуть, и тут же неподалёку от его ног на землю опустилась небольшая птица-мухоловка с золотистой грудкой. Наклонив голову к крылу, мухоловка разглядывала сандалии Элицура. Подлетела ещё одна птица. Её чёрная голова раскачивалась над всклокоченными перьями. Птицы что-то прошебетали друг другу и разлетелись, а на их место опустились другие. Элицур огляделся. Господи, как же много сегодня птиц! Крошечные пташки забавлялись в полёте: то скатывались на груди с только им одним видимых воздушных гор, то взмывали к облакам. Ястреб с солнечным кругом на спине поднялся над скалой и упал за южным склоном Ивусейского холма: наверное, заметил там тушканчика, вышедшего из норы погреться на солнце.

Элицур пересилил боль в пояснице, поднялся и, опираясь на посох, пошёл дальше.

Селение Манахат находилось недалеко от Долинных ворот. Кто бы ни входил в него, оказывался на берегу круглого пруда, выкопанного жителями. Они всем селением ухаживали за прудом, углубляли его, чистили, подправляли оползающие берега. Каждый день люди разбирали воду для своих хозяйств, а за ночь пруд опять наполнялся, потому что на дне его бил сильный ключ с холодной водой и, кроме того, собиралась вода из-под каменных террас, на которых стояло селение.

Когда Элицур вошёл в Манахат, там распределяли воду между семьями. Старейшина селения стоял по пояс в воде, держа в руке мерный шест, на котором были сделаны отметки – не на равном расстоянии, а в соответствии с числом душ в каждой семье. Старейшина выкрикивал имя главы семейства, открывал канал, ведущий к его огороду, саду или поильне для скота, а сам при этом не отрывал взгляда от шеста. Как только уровень воды опускался до отметки с другим именем, старейшина приказывал закрыть канал и пустить воду следующей семье.

Элицур спохватился: ведь он пришёл не для того, чтобы посмотреть, как распределяют воду в Манахате.

Пророка Натана Элицур заметил издали. Тот сидел на земле под кроной трёх старых акаций, росших кустом. Мальчики стояли вокруг учителя, оставаясь в тени. Подходя и стараясь быть незамеченным как можно дольше, Элицур прислушался.

– Адаму после изгнания из рая Бог дал тысячу лет жизни, но прожил Адам только девятьсот тридцать: семьдесят он передал Давиду. Мудрецы говорят, что буквы, из которых сложено слово «адам», то есть человек, это начальные буквы имён «Адам» и «Давид» и слова «Машиах»⁵. Адам согрешил, поэтому Шехина – так у нас называется Божественное присутствие – покинула землю. Когда будет построен дом Бога в Ерушалаиме, может быть, Шехина вернётся.

Пророк Натан поднял взгляд и заметил остановившегося в стороне Элицура; тот приложил палец к губам, мол, продолжай, но пророк Натан уже поднялся и шёл ему навстречу.

– Да пребудет с тобой Господь, Элицур! – приветствовал он гостя по обычаю жителей Ерушалаима.

– Да благословит тебя Господь, пророк Натан! – ответил Элицур.

Натан отпустил учеников и усадил гостя рядом с собой.

Расспрашивая Элицура о здоровье, пророк Натан сделал знак слуге, и тот принёс жареный хлеб и в чашках – горячую воду с нежными листочками мяты. Через некоторое время Элицур поставил недопитую чашку на землю и сказал:

– В Ерушалаиме видели Ахию и с ним несколько человек из надела Эфраима. Все они были вооружены и настроены явно недружелюбно. Наш командующий Бная бен-Иояда оповещён о том, что враги короля Шломо находятся в Ерушалаиме, но относится к этому спокойно.

Пророк Натан слушал, глядя в землю.

– Северные племена упорно не хотят Храм или, как его называем мы, ерушалаимцы, дом Бога, – продолжал Элицур. – В наделе Эфраима говорят так: «Наши храмы стоят уже сотни лет, и строить ещё один не нужно ни Богу, ни людям».

Пророк Натан молчал. Он знал, да и вся Эрец-Исраэль знала, что Ахия, самый чтимый пророк на севере, не принял замысел короля Давида построить Храм на горе Мориа.

В первую встречу три года назад король Шломо пытался убедить пророка Ахию, что построить Храм необходимо.

– С иврим достаточно тех храмов, которые у них уже есть: в Шило, в Бет-Эле, в Пнуэле, – упрямо твердил Ахия. – Бог повсюду, а ты хочешь удержать Его в доме. Бог разгневется и накажет нас всех. Я хотел сказать это Давиду, твоему отцу, но не успел: он умер раньше, чем мы встретились.

– Народ потянется к Храму, чтобы говорить с Богом, чтобы спросить у Него, для чего нужно всё, что есть в мире, – объяснял король Шломо. – Для чего я? Для чего ты? Зачем Он создал землю, птиц, людей и...

– Людям не нужно ни о чём спрашивать Бога! – перебил Ахия. – Как Он создал, так и должно быть, и лучше быть не может. Что бы ни случилось – всё по Его воле, а потому хорошо.

⁵ Машиах – помазанник, Мессия, идеальный царь, который явится и принесёт человечеству избавление от зла.

Шломо молчал. Он хотел объяснить, что Храм необходим людям, что человек живёт в страхе, что он ощущает беспокойство и тоску. Человек хочет говорить с Богом, как сказано в Учении: «Когда ты страдаешь и беспокоен, тогда ты обратишься к Господу, Богу твоему». В Храме за жертвоприношением и молитвой человек, живущий в страхе, обретёт защиту, а тот, кто придёт в смятении – умиротворённость⁶.

Что-то случилось с королём. Пророк Ахия говорил и говорил, а у Шломо не было сил ответить. Он молчал.

Перед тем как уйти, Ахия сказал:

– Я пришёл помочь тебе. Когда-то сыновья Цруи запугали твоего отца, и он дал много поблажек племени Иуды. Отмени их, и племя Эфраима тебя поддержит. Можешь мне верить.

Ненависть к покойным военачальникам короля Давида, сыновьям Цруи, особенно к Иоаву, со стороны многих знатных людей в Эрец-Израэль всегда задевала Шломо.

– Сыновья Цруи, – медленно начал король, – были с Давидом во все трудные часы его жизни: и когда он скрывался от короля Шаула, и когда сражался с филистимлянами, и когда бежал из Ерушалаима от своего мятежного сына Авшалом. Но я и сам хочу, чтобы все племена иврим оказались в равном положении. Подожди ещё несколько лет и...

– Я-то подожду, – ухмыльнулся пророк Ахия, – но станут ли ждать наши северные племена? – Он поднялся. – Я уйду, а ты подумай над моими словами, король.

На том и закончилась их первая встреча.

Натан отхлебнул из чашки воды.

– Смертным не дано понять промысел Божий, – сказал он. – Но стараться его понять Он не запретил никому. До сих пор наши храмы были только жертвенниками. И храм Ахии в Шило – тоже жертвенник. Конечно, нужно, чтобы человек приносил жертвы Богу. Но в Храме люди будут ещё и чувствовать, что они находятся в одном доме с Богом, и не побоятся открыть Ему душу.

Некоторое время оба сидели молча, попивая ароматную воду. Потом пророк Натан опять заговорил:

– Прошлой весной Ахия был у меня и сидел там, где сейчас сидишь ты, Элицур. Сперва он просил меня пойти к Шломо и отговорить его от строительства Храма, но я напомнил ему, что Господь послал на гору Мориа ангела с повелением Давиду построить Храм. Тут Ахия рассвирепел. «Только не Шломо после греха его матери строить Храм!» – кричал он.

– И ты не прогнал Ахию? – спросил Элицур.

– Нет. Я сказал ему: «Ахия, ведь ты не затем пришёл ко мне, чтобы я отговорил короля Шломо строить Храм». Он молчал, и тогда я спросил: «Говори, зачем пришёл?» И он ответил: «Сказать, что, если Шломо станет перемещать границы наделов, установленные ещё великим судьёй Иошуа бин-Нун, северные племена могут отделиться от Ерушалаима. Передай это моё предупреждение королю. Народ не верит, что от таких перемен ему станет лучше. Люди на севере говорят, что это – очередная хитрость племени Иуды».

– И что ты ему сказал?

– Что не стану просить Шломо отменить передел Эрец-Израэль, который он начал. Не мог я сказать Ахией, что великий судья Иошуа бин-Нун, да будет благословенна его память, сделал ошибку, разделив между племенами землю, которую Господь обетовал праотцу Аврааму для всех иврим. Ты же помнишь слово Господа: «Потомству твоему отдам я эту землю». Потомству – значит, всему народу. Всему! Шломо, с Божьей помощью, делит не землю, а обязанности племён. Ни одно племя не сможет отделиться со своим куском Священной земли.

⁶ Данная трактовка заимствована у рава Й. Д. Соловейчика (статья «Голос любимого зовёт» и другие).

Ещё одно-два поколения, и будет один народ жить на единой земле, обетованной ему Господом. Только запомнят, что в Первый месяц всех нас кормит Первая область, и её правитель отвечает за охрану всей Эрец-Исраэль, и так в каждый из двенадцати месяцев.

– Великий Иошуа бин-Нун сделал ошибку?! – удивился Элицур. – Натан, тебя побьют камнями за такие слова.

– Побьют, – согласился пророк Натан. – Если ты сейчас пойдёшь и пожалуешься.

– Не пойду. Но ты не должен ни при ком говорить такие слова. А я ведь пришёл к тебе посоветоваться, – сказал он, помолчав. – Что-то нужно предпринять: Ахия опасен.

Пророк Натан поднял взгляд от земли.

– Ахия ненавидит род короля Давида за то, что Давид дал людям Псалмы, и теперь любой человек знает, какими словами говорить с Господом, как благодарить Его или просить у Него защиты и помощи себе и своим близким.

– Любой человек? – недоверчиво прищурился Элицур.

– Любой. Не только пророк. Любой: король и раб, иври и не-иври. Ахия же считает, что люди только через пророков должны узнавать волю Божью, ведь так?

– Так, – развёл руками Элицур.

Пророк Натан погладил посох и сказал, глядя в глаза Элицуру:

– Он – пророк, Ахия. Господь удостоил его перенять Закон из уст пророка Шмуэля и передать его новому поколению. Я сказал однажды Ахие: «Подумай, может, тебе стоит оставить Шило и перейти в Ерушалаим? Там теперь собираются иврим со всей Эрец-Исраэль. У тебя будут ученики». – «Нет, – ответил он. – Мне нечего делать в Ерушалаиме!» И ушёл к себе в Шило. А теперь, говоришь, вернулся. Кому, кроме Бнаи бен-Иояды, ты об этом сказал?

– Кимаму бен-Барзилаю и другим верным людям. Но всё равно, когда ты будешь говорить со Шломо, предупреди его, чтобы он остерегался.

Пророк Натан задумчиво кивнул.

Элицур поднялся и хотел прощаться, но пророк усадил его на место.

– Прошлый раз мы с тобой говорили, что Шломо вернулся из Гив'она другим человеком, что с мезью, завещанной ему Давидом, покончено.

– Помню. И вдруг все узнали, что король Шломо велел убить своего сводного брата Адонияу.

– Адонияу сам виноват. Его подвела хитрость, – сказал пророк Натан.

– Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Ещё бы, я ведь был у матери Шломо, Бат-Шевы, когда Адонияу явился со своей просьбой.

– Расскажи, как было дело. Я знаю, что тебе доверяет и Бат-Шева, и Шломо после того, как ты помог им получить для Шломо благословение Давида на престол. Ты же и воспитатель наследника Рехавама, – сказал Элицур.

– Меня, не помню зачем, вызвала к себе Бат-Шева. Я уже собрался уходить от неё, когда доложили, что у Адонияу, сына короля Давида и женщины по имени Хагит, есть важная просьба к Бат-Шеве – матери короля. «Останься, – попросила она меня. – Я боюсь этого человека. Он уйдёт, и мы закончим разговор. Я хочу с тобой ещё посоветоваться, пророк Натан». Я остался. Тут входит Адонияу и низко кланяется. Бат-Шева его спрашивает, с миром ли он пришёл. Он опять поклонился и, приложив руку к сердцу, заверил: «С миром. Слово у меня к тебе». – «Ладно, – сказала Бат-Шева, – говори». Он начал: «Я смирился с тем, что престол в Ерушалаиме в последнюю минуту достался не мне, старшему сыну Давида, а моему брату Шломо. Значит, так хотел Господь». – «Что ж, – перебила его Бат-Шева. – Смирился так смирился. Сказал же тебе Шломо: “Живи тихо, и никто тебя не тронет”. А теперь говори, зачем пришёл». Он ещё помялся, а потом выложил: «Попроси короля Шломо – все знают, что он тебе никогда не откажет, – чтобы он отдал мне в жёны Авишаг». Старушка Бат-Шева, наверное,

обрадовалась случаю избавиться от этой Авишаг – последней жены короля Давида – и пообещала Адонияу: «Хорошо, я поговорю с королём». Адонияу долго её благодарил, потом ушёл.

Пророк Натан отпил из чашки и продолжил:

– Так получилось, что на следующий день при встрече Бат-Шевы и Шломо присутствовал мой писец. Зная, что я веду запись всех событий жизни нашего короля, он запомнил для меня ту встречу и всё записал. Хочешь послушать?

– Конечно!

Пророк Натан позвал слугу. Тот принёс деревянный ящичек. Натан порылся в нём.

– Вот, – сказал он, достав нужный кусок кожи и расправив его на плоском камне. – Слушай: **«И пришла Бат-Шева к королю Шломо говорить с ним об Адонияу. И встал король навстречу ей, и поклонился ей, и сел на престол свой. Поставили престол и для матери короля, и она села по правую руку от него. И сказала она: “Есть у меня одна просьба к тебе, не откажи мне”. И сказал ей король: “Проси, мать моя, и я не откажу тебе”. И сказала она: “Пусть Авишаг отдана будет Адонияу, брату твоему, в жёны”. И отвечал король Шломо, и сказал матери своей: “Зачем ты просишь Авишаг для Адонияу? Проси ему и царство, ибо он – мой старший брат».**

– Слышишь? – прервал чтение пророк Натан. – Так он и сказал Бат-Шеве: «Проси ему и царство». Можешь сам взглянуть в свиток моего писца. Он записывает слово в слово, и память у него не моя, стариковская.

– Да уж, – покачал головой Элицур. – Короли так не говорят!

– Зато вон, как он сразу распознал козни Адонияу: к кому перейдёт вдова короля, к тому – и власть. Только старушка Бат-Шева могла этого не сообразить, – задумчиво сказал пророк Натан, сворачивая свиток.

Они ещё некоторое время беседовали, попивая воду и слушая пение птиц.

Потом пророк Натан посмотрел на облака и сказал:

– Элицур, я видел дом Бога в небе над Ерушалаимом. Там у жертвенника стоял великий священнослужитель Малкицедек. И служил он не так, как наш Цадок-первосвященник – того и гляди что-нибудь да забудет. Но не хочу ворчать. С Божьей помощью, Шломо построит Храм, и тогда начнётся совсем другая жизнь в Ерушалаиме и на всей земле. Цари разных стран помирятся, подружатся народы. Не будет ни засухи, ни зимних наводнений. Я приду в Храм, принесу жертву, попрошу Бога вылечить мою спину и колени и выйду из Храма здоровым.

Элицур не смеялся над этими словами пророка Натана, он и сам думал так же. Глаза у обоих блестели.

– Амен! – сказал Элицур.

Пророк Натан провожал гостя. Они остановились, опираясь на посохи и глядя на вершину Ивусейского холма. Там в потоках солнечного света плыл Ерушалаим. Любому смертному в такие минуты слышались слова Учения: **«Этот город избрал для себя Всевышний!»**

Глава 4

Осенью 2908 года от сотворения Мира проводник караванов Яцер бен-Барух вернулся домой в надел своего племени Ашера. Утром он попрошался с посланцами короля Шломо, объяснил им дорогу до Ерушалаима и получил причитающихся ему за работу двух баранов и свёрток крашеного полотна. Яцер бен-Барух знал, что дома его ждут, шёл и улыбался, поглядывая на спину ослика, где, среди необходимых в дороге вещей был привязан мешок с подарками для всей семьи, купленными на базаре в Цоре.

Уже не первый год он покидал дом и возвращался обратно, проводя купцов по Кнаану. Этот караван был посольский – первый при новом короле иврим Шломо, сыне Давида. Возглавлял его тридцатилетний советник по имени Ахишар. С ним ехал писец Офер бен-Шиши и солдаты охраны – всего двадцать человек. Советник Ахишар получил приказ отправиться на север, встретиться с Хирамом I, царём Цора, и передать ему королевское послание.

– Я думаю, советник Ахишар не запомнил ничего из нашей поездки, уж очень он волновался, оттого что первый раз выполнял королевское поручение, – рассказывал домашним Яцер бен-Барух.

– Ещё бы! – согласилась его жена Мирьям. – Ну, рассказывай. Перешли вы по насыпи через пролив, заплатили налог и вас пропустили через крепостные ворота. А что было потом?

– Совсем не так, – покачал головой Яцер бен-Барух. – Ты вспомнила, как я брал вас в Цор на базар, а тут совсем другое дело. Царя Хирама I известили заранее, что король Шломо отправил к нему караван, поэтому мы знали, что нас должны встретить, перевезти и проводить во дворец. Спешились, привязали мулов к деревьям, стоим и глядим на море. Берег там высокий, и с него всё хорошо видно. С этого места я всегда показываю Цор, прежде чем вести туда людей.

– Я помню, – обрадовалась старшая дочь, Отара. – Зелёное море, на воду опускаются белые птицы, плавают, потом ныряют и выскакивают из глубины с извивающимися рыбами в котлях. Рассказывай дальше, папа.

– Ладно, на чём я остановился? Да, советник Ахишар и его солдаты смотрели через залив на Цор, а я им объяснял: «Видите сразу за насыпью ворота в городской стене? Это – ворота богини Астарты⁷. За ними рынок рабов и большой базар – слышите, шум долетает даже сюда. Вон крыша над городской стеной – там царский дворец. Справа от него – капище бога Бурь. По насыпи, – говорю, – мы не пойдём, будем ждать, когда за нами пришлют “коней” – так здесь называют большие лодки с вырезанными из дерева конскими головами на носу». – «А почему берег так изрыт? – спросил один из солдат. – И дым? Кажется, там живут люди». – «Так и есть, – говорю, – рабы-ремесленники. В город входить им запрещено. А дым над пещерами потому, что в них выплавляют бронзу, отливают статуи богов, обжигают кувшины». Ладно, стоим и ждём, глядим на корабли в гавани, на новый волнолом из красных камней. Потом Ахишар послал одного из солдат спуститься и посмотреть, может, «кони» уже подошли к берегу.

– А остальные что делали в это время? – спросила Мирьям. – Как себя вели наши иврим?

– Всему удивлялись и расспрашивали меня, потому что они были из надела Иуды, а там, вы, наверное, слышали, только песок да камни. Мне кажется, море их успокаивало. Им было не по себе все дни нашей дороги по северу Кнаана, особенно когда приходилось ночевать под открытым небом. Они мне рассказывали, что в сумерках на лесистых горах им мерещилась языческая нечисть. За каждым кустом трепыхалось и повизгивало что-то мохнатое, блеющее, с бородой, копытами и грудями, и они просили Господа их защитить. Костёр в пути мы раз-

⁷ Астарта – главное женское божество во многих странах Древнего Ближнего Востока.

водили рано. После ужина долго не расходились, глядели на пламя, и тогда нам виделись другие картины: праотец Моше возле Неопалимой Купины⁸, битва Иошуа бин-Нуна с кнаанскими царями или взятие войском иврим Иерихона. Как-то я им сказал, что отсюда недалеко до земли Харан, из которой наш праотец Авраам ушёл навсегда в Эрец-Исраэль. Они понимали и одобряли праотца Авраама: им тоже хотелось поскорее уйти из этих диких мест к себе, в пустыню.

– В темноте это бывает, – сказала Мирьям. – Мне в сумерках тоже всякое мерещится. А днём?

– Днём они всему удивлялись и то и дело подзывали друг друга: «Смотри!» Они первый раз увидели деревья без коры, кусты – густые и без колючек, птиц с таким ярким оперением и столько прекрасной воды сразу. Они её пили, нюхали, лили себе на голову и не могли поверить, что такое возможно. А там, я вам скажу, сейчас действительно рай! С каждой скалы низвергается водопад, и в воздухе постоянно висит разноцветная пыль. Мои караванщики вдруг стали разговорчивы. Они скучали по своим овцам, которым никогда не пастись на таких ласковых лугах с душистой травой и прохладными цветами, чьи стебли готовы лопнуть от влаги. Вы не устали слушать? – спохватился Яцер бен-Барух.

– Рассказывай, рассказывай, – ответила за всех Мирьям. – Мы-то здесь привыкли и к лесу, и к речкам, а какого им после пустыни! Что вы ещё увидели, пока вас не забрали к царю Хираму?

– Рыбачьи лодки. Они заполняли пролив, приближались к Цору, но не входили в его гавань, опасаясь столкновения с двухпалубными военными судами, которые охраняли вход в порт. В воздухе стоял запах рыбы и водорослей, нас от него мутило. Советник Ахишар говорит мне: «Ты рассказывал, будто в Цоре ловят так много рыбы, что её продают даже в Вавилон. Неужели эта вонючая рыба приносит Хираму I такой доход, что его народ может не сеять хлеб, так как в обмен на сушёную рыбу в Цор везут пшеничную муку, лучшее масло и фрукты?»

Не успел я ответить, как один солдат из охраны сказал: «А я слышал, будто Цор разбогател на продаже шерсти, окрашенной пурпуром».

У этого солдата было смешное лицо: совсем без переносицы.

– Значит, он из племени Шимона, – засмеялась Мирьям. – Между прочим, я тоже слышала, будто за портом берег усеян круглыми ракушками, из которых местные жители вываривают пурпурную краску. Как её приготавливают – это их секрет.

– Пусть папа рассказывает, – попросила Отара. – Так почему Цор так богат?

– Точно не знаю, – признался Яцер бен-Барух. – Может, потому что торгует рабами. Я рассказал моим караванщикам, что сразу за воротами Астарты находится самый большой в Кнаане рынок рабов. Иоав бен-Цруя, когда приходил сюда со своим отрядом, по нашему древнему обычаю выкупил всех рабов-иврим и отпустил их на волю. Я спросил: «Ты тоже так поступишь, советник Ахишар?» – «Да», – ответил он, и тут писец закричал: «Наш солдат машет рубахой! Можно идти».

Спустились к морю. У причала нас встретил посланник Хирама I, сказал, что царь примет советника после полудня, а пока можно отдохнуть в дворцовом саду. Мы оставили мулов под присмотром одного из солдат, пересели в присланных за нами «коней» и поплыли в город.

– Передохни и поешь, – сказала Мирьям. – Я сейчас принесу хлеб и маслины.

Ни Яцер бен-Барух, ни люди из каравана не могли знать, что происходило во дворце Хирама I.

За день до прибытия послов короля Шломо Хирам I участвовал в церемонии по поводу рождения наследника у правителя города Цидона. Густые брови на удлинённом лице царя нависали над зелёными глазами с неизменно весёлым, часто хитрым выражением. У Хирама I был толстый нос, на кончике покрытый рыжими волосками, на завитую бороду спускались

⁸ Неопалимая Купина – пылающий, но несгорающий куст, в котором Бог впервые явился Моше.

длинные усы, слегка подкрученные на концах. По случаю праздника на Хираме I была пурпурная туника без складок и украшенные жемчугом сандалии, нижние ремни которых пропускались между пальцами и завязывались. Род Хирама I происходил из долины Бетис, славившейся овцами с необычайно мягкой шерстью, и царь любил давать пощупать гостям свою тунику «из настоящей бетисской шерсти».

Хирам I любовался танцами рабынь в капище богини Астарты, когда ему доложили, что в Цор из Ерушалаима прибыл советник Шломо – нового короля иврим.

«Подождёт, – подумал царь Хирам I. – Много их, посланников, дожидается встречи с царём Цора. Пусть поживёт у меня несколько дней и увидит, как благоволят боги к Цору, какая мощная у него стена и как его защищает море».

«Конечно, подождёт», – говорил себе царь Хирам I, окуная кончики пальцев в огромную розовую ракушку со священной морской водой, в которой плавали лепестки цветов, продлевающих жизнь до ста лет.

В юные годы, когда Хирам I был ещё принцем, он подружился с Давидом, взошедшим на престол в Ерушалаиме, побывал там и заинтересовался соседним народом. Иврим были ему симпатичны, хотя их обычай делать обрезание он осуждал, утверждая, что вся красота от этого пропадает. Потом, уже став царём, Хирам I занялся укреплением своих городов, войнами с соседями, строительством флота и больше не бывал в Ерушалаиме. Ему докладывали о бурных событиях в доме короля Давида и о том, что иврим расселяются по всему Кнаану.

Он доверял Давиду, мирные отношения между Цором и Ерушалаимом были надёжны, оба отказывали мятежникам в укрытии, но царь Хирам I очень хотел, чтобы король Давид, победив филистимлян – соперников Цора в морской торговле, – передал их порты Ашдод и Ашкелон ему. Все последние годы он ждал, что из Ерушалаима поступит такое предложение, но король Давид был занят умиротворением своей семьи, и ему было не до побеждённых филистимлян.

Царь Хирам I ездил в Ерушалаим на похороны короля Давида и познакомился там с его наследником, но с тех пор прошло уже четыре года, а никаких серьёзных отношений с королём Шломо не возникло.

И вот – посланник.

«Подождёт», – опять подумал царь Хирам I, а вслух приказал: – Возвращаемся в Цор.

– Я рад, что король Шломо благополучен в своём доме в Ерушалаиме, – сказал царь Хирам I. Он сидел на высоком деревянном троне, украшенном вырезанными из слоновой кости сфинксами и херувимами. – Ты можешь передать мне его послание.

Советник Ахишар приблизился к трону и протянул царю свиток. В нём, после приветствий, пожеланий здоровья и благоденствия, говорилось: **«Давид, отец мой, не смог построить дом для Бога нашего из-за войн, обступивших его, пока Господь не низложил всех врагов под стопы ног его. Ныне же Господь, Бог мой, дал мне покой со всех сторон, и вот я намерен построить дом Бога моего, как повелел Господь Давиду. Ты прикажи нарубить для меня кедров, а рабы мои будут вместе с рабами твоими, и я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь, ибо ты знаешь, что у нас нету никого, кто умел бы рубить деревья так, как цоряне».**

Царь Хирам I в присутствии советника Ахишара продиктовал писцам свой ответ Шломо: **«Я выслушал то, зачем ты посылал ко мне. Исполню я все просьбы твои о деревьях. Рабы мои спустят стволы к морю, сделают из них плоты, отправят их к месту, которое ты назначишь, разберут их там, и ты возьмёшь их».**

– Какую плату хочет получить царь Цора? – спросил советник Ахишар.

Хирам I некоторое время размышлял, глядя поверх посланника, потом продиктовал писцу: «Я желаю получать от тебя продовольствие для царского дома».

– Папа, ты ведь раньше не любил водить караваны в Цор, – удивилась Отара. – Говорил, что их царь может осыпать подарками, а потом приказать устроить засаду на дороге, ограбить купцов и даже убить.

– Да, – сказал Яцер бен-Барух, – так оно и было. Но теперь, я думаю, между нашим королём Шломо и Хирамом I будет заключён союз. Цоряне привезут в Ерушалаим свои кедры, построят нам Храм на горе Мориа, а Шломо заплатит им пшеницей и оливковым маслом.

– Амен, – сказала Мирьям. – Да поможет Бог нашему королю!

– Папа, – спросил мальчик Элияу, – сколько же времени цоряне будут строить дом Бога в Ерушалаиме? Он будет очень большой, такой, как дворец в Цоре?

– Советник Ахишар сказал, что дом Бога нашего будет шестьдесят локтей⁹ в длину, двадцать в ширину и тридцать в высоту. И построят его за семь лет. Царь Хирам I назначил главным над цорянами своего племянника Габиса – лучшего строителя в Цоре. Сейчас он заканчивает новую гавань, старой уже не хватает даже для своих торговых кораблей, а там ещё, помните, всегда полно купцов из Египта и Вавилона.

– В Ерушалаиме будет дом Бога! – радовался Элиму. – Дом Бога Исраилева!

– Конечно, будет, – сказал Яцер бен-Барух. – Мы пойдём туда на праздник, принесём жертву и станем веселиться вместе со всеми иврим. В Ерушалаиме умеют веселиться.

– А перед возвращением домой пойдём на базар и купим всем подарки, верно, папа? – спросила Отара.

– Обязательно, – пообещал Яцер бен-Барух.

– Говорят, в Ерушалаиме можно увидеть самого короля Шломо, – встала Мирьям. – Интересно, какой он? И его жена Наама – действительно ли она такая красавица, как все говорят? Почему-то ерушалаимцы называют её «Шуламит».

Яцер бен-Барух смотрел на своих близких, и на душе у него было хорошо, как бывало всегда после возвращения домой из долгого путешествия.

А Царь Хирам I после отъезда посланника короля иврим всё время думал о том, что... Нет, он ни о чём не думал, а старался выполнить наилучшим образом повеление. Чьё? Неужели того самого дома бога иврим, который ещё даже не начали строить?

Царь Хирам I впервые в жизни не понимал своих поступков, но не хотел советоваться с оракулом.

⁹ локоть – мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.

Глава 5

Прошло пять лет после того, как в Гив'оне явился Шломо во сне Господь. После праздника Песах король, взяв с собой Нааму и детей, отправился на гору Мориа посмотреть, как идёт строительство Храма.

Наступил сухой сезон, и можно было не опасаться, что сырость испортит драгоценные цорские доски. По всей плоской вершине горы Мориа были вбиты высокие шесты, а на них натянуто полотно, что позволяло работающим оставаться в тени. На строителях из Цора и на иврим из Ерушалаима были надеты кожаные фартуки, к поясу прикреплены ремешками мастерки и молотки. Кучками лежали пилы, топорики и медные гвозди. Вокруг ходили стражники с палками и отгоняли любопытных. Часть вершины горы Мориа, называемую «гумно Арваны», уже окружили невысокой каменной оградой. Шломо и Наама перелезли через неё сами и перенесли детей. К ним тут же подбежал толстый, голубоглазый человек с пышной бородой, расчёсанной на две стороны. Низко поклонившись, он сказал:

– Король иврим, меня зовут Габис. Мой дядя, великий царь Хирам I, велел мне отправиться в Ерушалаим и быть главным над цорянами. Я могу показать, какие изменения произошли здесь с тех пор, как ты приходил сюда последний раз.

Со всех сторон слышались команды на арамейском языке, сновали рабы с носилками, на которых лежал инструмент, кричали разносчики воды. Ослы, поднимая пыль, подвозили к стройке отшлифованные камни. Животных поили и кормили ерушалаимские мальчишки. Они же крепили на спинах ослов груз, привязывали их к камням и обтирали бока травой.

Король Шломо велел Габису оставаться с детьми, а сам с Наамой пошёл осматривать размеченный на земле двор и уже готовый каркас будущего Храма. Но прежде, чем идти, он подозвал приставленного к строителям писца и спросил:

– Что у тебя там записано про пристройку?

– Сейчас, – сказал писец. – Вот: «Снаружи к стенам Храма пристроят боковые комнаты. Их нижний ряд будет иметь ширину пять локтей, средний – шесть, а верхний – семь», – свернул папирус и пояснил: – Так образуются уступы, и брёвна будут лежать на них, а не внутри стен.

– Хорошо, – сказал король Шломо. – Записывай и дальше.

Снизу доносились крики погонщиков и скрип колёс – это на быках поднимали на гору Мориа доски для Храма.

А начинался Деревянный путь в горной области Леванон в Цоре. Там, в лесу, названном «Сад богов», жрецы Цора позволяли рубить кедры, сосны и кипарисы для стен и перекрытий своих капищ, для священных лодок Египта и Вавилона и вот теперь ещё и для Храма в Ерушалаиме. Сад богов стоял высоко на горе. Бронзовыми пилами рабочие за неделю перепиливали один кедр, и он не падал – так часто росли там деревья.

Король Шломо наложил повинность на все племена иврим каждый месяц посылать на работы в Леванон по десять тысяч человек. Кедровые и кипарисовые стволы спускали с гор на верёвках и волокли к морю. Отсюда их переправляли на другой берег Цорского пролива, где стволы принимали иврим из племени Ашера, связывали в крепкие плоты, чередуя разные породы деревьев, дожидались нужного течения, спускали на воду и сплавляли вдоль побережья на юг, к Яффо. Там иврим принимали плоты, разбирали их, под присмотром цорских мастеров распиливали стволы и грузили на присланные из Ерушалаима повозки.

Цоряне, плавая вдоль побережья, изучили Верхнее море¹⁰ и знали, в каком месяце какие течения помогут плотам доплыть до Яффо. Время, подходящее для спуска деревьев на воду, они держали в секрете от чужеземцев, а переправу их через Цорский пролив не доверяли никому. Когда драгоценный лес проплывал мимо берегов, особенно возле порта Дор, тамошние иврим сопровождали плоты на лодках, следя за тем, чтобы ни один драгоценный ствол не попал в руки к морским разбойникам, то и дело внезапно налетавшим с островов на богатые караваны с утварью для храмов в Египте.

Ещё раньше, чем начал прибывать лес из Леванона, по всей Эрец-Исраэль стали заготавливать камень для Храма. Восемьдесят тысяч каменотёсов и семьдесят тысяч носильщиков трудились в горах. В Ерушалаим везли большие, тщательно обтёсанные камни, приготовленные для строительства.

Советник Ахишар распоряжался людьми и всеми материалами, необходимыми для постройки Храма. Король Шломо каждую неделю требовал от него отчёта.

С появлением короля Шломо на горе Мориа строители, и цоряне, и иврим, остановили работу. Народ сбегался посмотреть на своего молодого короля, хотя бы через оцепление стражи. Шломо и Наама обходили двор, разглядывая постройку. На уже законченном каменном каркасе здания крепили кедровые доски с вырезанными на них бутонами и распустившимися цветами папируса. На пол постилали кипарисовые доски.

Шломо рассматривал резные изображения на досках, изготовленных для стен Двира – самого святого места в Храме. Оказавшийся рядом строитель-цорянин по-своему истолковал внимание короля.

– Не беспокойся, камня не будет видно за досками. Их уже начали покрывать золотыми листами, чтобы сохранить орнамент. И жертвенник для воскурения ароматических трав, который поставят вон там, тоже покроют золотом. Поэтому он будет называться «Золотым жертвенником».

Шломо подошёл к доскам. Мастера вырезали на них херувимов и пальмы.

Вдруг закричала Наама. Шломо обернулся, увидел, что она испуганно смотрит на угол Храма и бросился к ней.

– Кто тебя так напугал? – спросил король, подбегая к жене.

– Там... вон... там стоял какой-то человек. Лицо... прикрыто платком. Он показывал мне... нож.

Шломо обернулся к стражникам:

– Найти и привести сюда!

Стражники вернулись, не найдя никого подозрительного. Наама поверила, что человек с ножом ей только померещился, и успокоилась.

Возвращаясь, Шломо с Наамой ещё издали услышали смех своих малышей. Габис изображал злодея: гудел в усы и говорил басом. Дети во все глаза смотрели на весёлого чужестранца.

– Я доволен, – сказал Габису король Шломо. – Я велю прислать на гору подарки, раздай их от меня строителям.

Он пошёл было к насыпи, ведущей в Город Давида, но вернулся и спросил у Габиса:

– Где медник Ави? Надеюсь, он не заболел от восточного ветра?

– Слава богам, медник Ави здоров, – ответил цорянин. – Он как раз сегодня начал отливку медных столбов Яхина и Боаза, которые будут стоять у входа в Храм. Так что, если захочешь с ним поговорить, вели, чтобы тебя отвезли к Иордану.

¹⁰ Верхнее море – современное Средиземное море.

Глава 6

Когда Шломо прибыл в долину Иордана, складки Иудейских гор на берегу Солёного моря¹¹ стали уже алыми, а тени на песке у подножий – темно-лиловыми.

На рассвете выйдя из Ерушалаима, королевский караван направился на северо-восток и к полудню достиг той части Солёного моря, где в него впадает река Иордан. Караван остановился на отдых, король Шломо и его приближённые сошли с верблюдов. Перед ними на другом берегу реки, в стране Моав, ветер вырезал из нубийского песчанника красные столбы, а холмам придавал сходство – одним с уснувшими великанами, другим – с верблюдами, а третьим – неведомо с кем, может, с незнакомыми иврим местными богами. Подивившись на эту картину, ерушалаимцы продолжили путь вдоль берега моря, прикрыв шерстяными платками лица от жалящего солнца. Движению верблюдов мешали отвесные горы и прибрежные утёсы, близко подступавшие к тропе.

Возле потрескавшейся скалы караван встретил проводник – солдат из ближней крепости, охранявшей тропы к бальзамовым рощам Эйн-Геди и к медным копиям в пустыне Арава. Он повёл караван над глубоким ущельем. Вскоре ерушалаимцы увидели Долину Кузнецов, над которой стелился сизый дым. Люди закашляли, из глаз потекли слёзы. Проводник объяснил, как двигаться дальше, чтобы оставаться спиной к ветру, и уехал в свою крепость.

Король Шломо с приближёнными спускался в Долину Кузнецов, покрытую ямами, в которых привезённую из Эцион-Гевера медную руду дробили, расплавляли и соединяли с оловом, превращая в бронзу.

После того как король Шаул разгромил Союз кочевых племён Амалека, иврим стали хозяевами залежей меди и железа в районе от Эдома до Эцион-Гевера. Племя Ашера, жившее близ Цора, научилось у соседей обрабатывать руду, и, когда король Давид стал нуждаться в железном оружии, в доспехах для армии и в железных плугах для обработки каменистой почвы надела Иуды, мастера из племени Ашера начали переселяться с севера в район рудников. С этого времени здесь появились печи с вытяжной системой для плавки и очистки меди, а местное население – родственное иврим племя кениатов – стало вместе с переселенцами-ашерцами плавильщиками и кузнецами в этом богатом минералами районе, получившем название «Долина Кузнецов».

Больше всего здешним мастерам удавались изделия из блестящей на солнце меди и бронзы, поэтому король Давид велел изготовить утварь для будущего Храма именно в Долине Кузнецов и для этого направлять туда медь и олово из рудников Синая и дань железом, поступавшую из Сирии. Мастера из Долины Кузнецов прославились по всей Плодородной Радуге¹², царь Цора даже поручил им оправить медью священный камень в капище богини Астарты.

Первый раз Шломо увидел медника Ави на горе Мориа: тот следил за погрузкой на тележки десяти бронзовых чаш, из которых священнослужители будут омыwać руки и ноги перед служением в Храме. Король Шломо смотрел, как выбирают место для установки тележек с чашами, когда вдаль прошёл высокий грузный человек и пронёсся шёпот: «Медник Ави!».

Эго был великий мастер Ави. Каждый иври уже знал, что Господь избрал его отлить для дома Бога священную утварь. Ави прибыл из Цора с посланием к королю Шломо от царя Хирама I, где говорилось: **«А теперь я послал тебе искусного мастера по имени Хурам-Ави, сына женщины из вашего племени Дан и цорянина. Ави знает работы по золоту,**

¹¹ Солёное море – точный перевод с иврита названия Мертвого моря.

¹² Плодородная Радуга, или Плодородный Полумесяц – территория от Египта до Месопотамии.

серебру, по меди, железу, камню и дереву. Он может исполнить любую резьбу и выполнить всякую работу, какую ты ему поручишь».

В следующий раз королю Шломо довелось оказаться на берегу Иордана, когда Ави отдавал приказы рабам, рывшим яму для отливки столба Яхин двенадцати локтей в высоту. Медник Ави, зажав в ладони подбородок, смотрел на дно ямы. Там застыли в ожидании его приказаний землекопы с бронзовыми лопатами и погонщики ослов, запряжённых в тележки с углем и зелёными камнями из Южных пещер. Медник Ави что-то приказал, и все встrepенулись: рабы с корзинами попрыгали на дно ямы и застучали кирками, мальчишки-погонщики закричали на ослов, прибежали темнокожие женщины, неся кувшины с водой, и подмастерья с заточенным инструментом.

– Почему тебя называют медником, Ави? – спросил король Шломо, осмотрев уже законченные работы и оставшись ими доволен. – Ведь ты и золотую утварь для жертвенника отливашь, и серебряные плиты для пола в Хейхале – зале для богослужений.

Медник Ави улыбнулся и пожал плечами, объяснить он не мог.

Они отошли в тень тамариска на берегу Иордана и уселись на толстых корнях, подползавших к самой воде. Король Шломо только что осмотрел медные отливки для двух столбов перед входом в Храм: связки гранатов, перевитых шнуром. Высота каждой отливки составляла пять локтей.

– Мне понравились венцы, которые ты отлил, – сказал король Шломо. – А в Ерушалаиме мне показали твои подставки-быки под Медное море. Они просто живые! Воистину, тот, кто учится у природы, не знает предела совершенству. Ты согласен со мной?

Медник Ави вздохнул и ответил:

– Господин мой, сегодня я сделал бы их другими.

– Почему? В твоих быках такая ярость, что кажется, они не чувствуют тяжести Медного моря и готовы наброситься на любого грешника и растоптать его. Они напомнили мне страшных быков в загоне дома моего отца, их привезли ему в подарок из страны Хатти. Но ты, кажется, не очень доволен тем, что у тебя получилось?

Медник Ави смотрел на Иордан.

– Природа – её ведь создал Бог, – начал он, – и учиться у неё – большая радость. Но то, что я здесь сделаю, будет стоять в Храме рядом с творениями Бецалеля, и я хочу, чтобы ни одна моя чаша не мешала людям любоваться изделиями великого мастера. Да, я стараюсь учиться у природы, созданной Господом во дни Его Творения. А мастера Бецалеля наставлял сам Бог, передавая ему свой замысел через учителя нашего Моше в пустыне Синай. Вот менора – семисвечник, который Бецалель выбил из цельного слитка золота. Когда я в первый раз её увидел, я ощутил глубокий покой: если Господь вдохновил человека на такое творение, значит, Он прощает нам грехи и сохраняет Завет с нами. Люди говорят, что форму семисвечника Бецалель взял у куста шалфея – вон вроде того, что прилип к твоим сандалиям. Но насколько же прекрасней менора Бецалеля, чем эти растения! Человек видит шалфей каждый день, ходит по нему, а попроси описать его – и не вспомнит, какой он, шалфей. А тот, кто хоть раз видел менору Бецалеля, не забудет её до конца дней своих. Мне кажется, ей не нужны ни фитили, ни масло: она и так будет освещать всё вокруг себя. Может, господин мой король не знает, что мы, мастера, увидев семисвечник, выкованный Бецалелем, поклялись в знак уважения к великому мастеру не делать светильник из семи стеблей. Любое число, только не семь – чтобы никому и в голову не пришло, будто медник, вроде меня, осмеливается подражать великому мастеру.

Так они беседовали ещё не раз. До освящения Храма оставалось два года.

На обратном пути из Долины Кузнецов вечер застал королевский караван на другом берегу Иордана. Здесь решено было переночевать и утром продолжить путь к Ерушалаиму.

Пока слуги ставили палатки и готовили еду, король Шломо подошёл к тёмной реке, отражавшей прибрежные кусты, луну и множество звёзд. Он поднял взгляд к небу и удивился: всё оно было занято скоплениями бледных созвездий. Сполохи света в глубине неба будто говорили об идущей где-то среди звёзд жестокой войне. Днём, при солнце, Шломо ни разу не усомнился в доброжелательности природы, но сейчас он испугался.

– Господи, защити людей, иначе зачем Тебе было создавать Адама! – прошептал Шломо.

Он вспомнил лицо брата Даниэля, сына Авигаил от Давида. Тот был старше его на двенадцать лет и рано ушёл из Ерушалаима изучать Закон в Нове, городе священнослужителей. На праздники Даниэль возвращался в отцовский дом, и Шломо, волнуясь, ждал его и готовил вопросы, которые не решался задать ни пророку Натану, ни кому-либо другому из своих учителей. Шломо был толстым мальчиком, и братья посмеивались над тем, какой он неловкий. Все, кроме Даниэля. Тот был вообще не такой, как остальные. Он напоминал Шломо их общего отца, короля Давида, но не лицом, а тем, как сосредоточенно размышлял над Учением.

Мальчиком, Шломо обожал Даниэля. Он ждал, пока родственники оставят брата в покое, и они вдвоём отправятся на прогулку по берегу Кидрона или в горы.

Однажды Шломо признался Даниэлю – ему единственному, – что боится смерти и всё время думает о ней. Сперва Даниэль повторил то, что говорил им отец Давид: смерти нет; наша душа только меняет «одежду» – тело. Видя, что такого объяснения недостаточно, Даниэль остановился, усадил младшего брата рядом с собой, взял его руку в свои и некоторое время молча сидел, прислушиваясь к биению сердца Шломо.

– Ты не умрёшь, – сказал он. – Бог даст тебе, как Он дал нашему отцу Давиду, слова, которые ты передашь народу, и иврим запомнят их навсегда. Значит, ты будешь жить столько, сколько будет жить наш народ.

– Какие слова? – с трудом выговорил Шломо. – Я тоже сочиню Псалмы?

– Нет, – покачал головой Даниэль. – Они будут о Боге, о любви, о жизни людей. Больше я ничего не знаю.

После этого разговора с Даниэлем Шломо навсегда поверил, что сможет сочинять и что рукой его будет водить Бог.

Через несколько лет до Ерушалаима дошёл слух, что на Нов напало дикое кочевое племя, перебило охрану и, разграбив город, вырезало в нём всех священнослужителей. Шломо не поверил и ещё долго пытался что-нибудь узнать о Даниэле. Никто ничего не мог ему сказать. Население Нова то восстанавливалось, то снова исчезало после эпидемий или набегов кочевников, и к этому привыкли.

Шломо до конца дней вспоминал лицо брата и всегда верил, что Даниэль жив и ещё объявится в Ерушалаиме.

– Король, мясо сварилось, – раздалось за спиной Шломо.

Он повернулся и пошёл к костру.

Глава 7

На склоне холма, где стоял Город Давида, неподалёку от ворот Источника, в доме, сложенном из камней ещё ивусеями – предыдущими хозяевами города, жили две женщины, Ренат и Азува. У них была комната с земляным полом и две пристройки: одна служила отхожим местом, в другой содержались овцы, дававшие женщинам молоко и шерсть. Молока хватало и на приготовление сыра, а шерсть они продавали. Огород женщины не сажали, не сеяли ячмень и, что уж совсем редко бывало в этой части Ерушалаима, возле дома не было ямы для сбора дождевой воды – может оттого, что совсем рядом протекал ручей Кидрон, на берегу которого обе женщины умывались, стирали бельё и мыли горшки и кувшины – посуду нехитрую, но многочисленную.

Подобными же домами был плотно застроен весь юго-восточный склон холма. Стояли они на ступенях террас. При каждом доме был огород и загон для коз и овец. Между террасами вырубали ступени, чтобы легче было спускаться стирать или набирать питьевую воду из источника Гихон, с шумом выбрасывающего воду на поверхность и только недавно заново окопанному по приказу короля Шломо. Во всех домах, как и у Ренат и Азувы, заднюю стену заменяла гигантская каменная кладка, на верху которой виднелись остатки фундамента крепости Цион, разрушенной военачальником Иоавом бен-Цруей при штурме города Ивуса.

Перенаселённый Ерушалаим, поглотивший Город Давида, стремился расшириться во все стороны. Уже начали прорубать скальный хребет, ограничивающий город с запада, засыпать лощину на севере, а на юге и на востоке застраивать долину ручья Кидрон.

Ренат и Азува зарабатывали на жизнь, принимая у себя мужчин из караванов, входящих в город через ворота Источника. Нельзя сказать, чтобы женщины жили дружно; подругами они не были, и соседи не раз жаловались городской страже на шум и крики в «Весёлом доме», как прозвали жилище Ренат и Азувы ерушалаимцы.

«Опять не поделили богатого караванщика», – говорили соседи, слыша грохот горшков, катящихся по освещённому луной склону холма.

Иногда одна женщина грозилась другой пожаловаться на неё королю Шломо, устраивавшему суд раньше в городских воротах, а теперь в зале Престола ещё недостроенного дворца – Дома леса ливанского.

– Только и дел нашему королю, что разбирать бабские ссоры!

– Он судит всех. погоди, вот я расскажу королю Шломо, как ты украли платок из поклажи эдомского каравана.

И они опять кричали и кидали друг в друга чем попало, пока на пороге Весёлого дома не появился вызванный соседями городской стражник с дубинкой в руке.

Так всё и продолжалось бы, но Ренат и Азува вдруг почти одновременно забеременели, а потом та и другая родили по сыну. В Весёлом доме воцарились тишина и взаимная помощь. Соседи несли молодым матерям еду и тряпки для новорожденных, советовали посадить огород и продавать овощи караванам. Как и положено, на восьмой день мальчикам сделали обрезание.

Прошла ещё неделя, и вдруг пронёсся слух: один из новорожденных в Весёлом доме умер.

В зале Престола Шломо судил народ и принимал еженедельный отчёт советника Ахишара о податях и новых повинностях иврим: рубке леса в горах Леванона, поставке дерева и камня на гору Мориа, где строился Храм, и о расчётах с царём Хирамом I. На полу подле короля, как всегда, уселся писец Офер бен-Шиши.

– Утром я спускался к Тихону, а когда возвращался в Дом леса ливанского, мне навстречу попала повозка, запряжённая волами. На ней везли из Хеврона камни. Почему нельзя ломать

камень здесь, в Офеле? Разве ерушалаимский камень не так красив? – спросил Шломо советника Ахишара.

– Он самый красивый. Только быстро нагревается и быстро остывает. Зимой в доме, построенном из него, холодно, а летом жарко. Возьми в руку кусок камня из Хеврона, а потом из Ерушалаима и сравни.

– И сравнивать нечего, ерушалаимский камень лучше всех, – не соглашался король Шломо. – Утром он цвета козьего сыра, а в полдень – галилейского мёда.

– Снаружи твой дом покроют ерушалаимским камнем, – пообещал Ахишар. – Под ним будут плиты из каменоломни Гив'ы. А внутри – доски из Леванона, которые прислал тебе царь Хирам I.

– Царь Хирам I, – повторил Шломо. – Как ты думаешь, отчего его царство такое богатое? Ни у одного народа нет столько добра, сколько у цорян. И мы, и все остальные, даже Египет, просто нищие по сравнению с ними. Ты можешь назвать мне, что и откуда получает Цор?

– Могу, – кивнул Ахишар и начал загибать пальцы. – Лошадей и мулов – из Тогармы, рабов и всякий медный инструмент – из Луда, серебро, олово, железо и бронзу – из Таршиша, мрамор из Египета, медь из Раэма, ароматические травы, драгоценные камни, золото и дорогую одежду – из страны Шева¹³, а ещё...

– Хорошо, – остановил его король Шломо. – Теперь перечисли, что покупает царь Хирам I у нас, в Эрец-Исраэль.

– Ячмень, масло и мёд – в наделах Иуды и Шимона; вино и шерсть – в Башане; пряности – в Эйн-Геди и в Фахше.

– Какие пряности? Давай, я тоже буду загибать пальцы. Жёлтый имбирь – раз, кардамон – два, тимьян – три. Дальше?

– Майоран – четыре, шафран – пять, корица – шесть, аир – семь...

– Хватит, – остановил его король Шломо. – Пожалуй, хотя король Давид, да будет благословенна его память, оставил мне столько земли, что Цор может уместиться на ней сто раз, Эрец-Исраэль – лишь его бедная соседка. Ты тоже считаешь, что всё богатство у них от сушёной рыбы и от секрета пурпурной краски?

– Нет, – покачал головой советник Ахишар, – они умеют торговать.

– Верно! – обрадовался король Шломо. – Нам нужно научиться у царя Хирама торговать с близкими и далёкими странами. И брать с чужеземцев налоги на торговлю у нас, в Эрец-Исраэль. Мы должны будем построить склады для товаров и постоянные дворы в оазисах, чтобы купцы могли там отдохнуть, поесть и напоить верблюдов. Мы будем охранять дороги от разбойников и снабжать караваны водой. А в первую очередь... Писец, ты успеваешь за мной? В первую очередь, мы должны научиться у цорян пользоваться морем.

– Научиться ловить рыбу? – Но иврим в племенах Ашера и Нафтали ловят её не хуже цорян.

– Нет, научиться плавать и перевозить товары в открытом море, запомнить направления ветра и течений, узнать, как их кормчие определяют страну по изгибам береговой линии, как они находят дорогу по солнцу и по звёздам, как выбирают место для корабельной стоянки и укрытия от бури.

– Правильно, это нам нужно, – подхватил советник Ахишар. – У цорян нам есть чему поучиться. Сегодня мы возим в Цор стволы кипарисов, чтобы там их распиливали на доски, вместо того чтобы это делать у себя и самим.

– Так теперь и будет, – решил Шломо и приказал Оферу бен-Шиши: – Пиши: «Советнику Ахишару нанять у царя Хирама I опытных мореходов, кормчих и строителей». Нет, корабли

¹³ Местонахождение перечисленных в этой главе стран, упоминаемых в Торе, неизвестно. Таршиш – предположительно, современная Сардиния.

нам строить, пожалуй, ещё рано. Ладно, вы оба можете идти, – он устало махнул рукой. – Продолжим в другой раз. Сегодня я буду судить народ. – Да! – крикнул он, когда советник и писец были уже в дверях. – Наама сказала, что у нас будет ребёнок, и, как ей кажется, мальчик.

Он смеялся и обнимал подбежавших к нему с поздравлениями Ахишара и Офера бен-Шиши. Вчера вечером, узнав от жены прекрасную новость, король Шломо принёс благодарственную жертву, потом поднялся к незаконченной постройке на горе Мориа и, не открывая рта, рассказал Храму, что ждёт наследника.

Оставшись один, Шломо вытянулся в деревянном кресле, подаренном правителем Аммона, и прикрыл глаза.

Вскоре он очнулся, потому что в зал Престола вошёл начальник правителей областей Завуд и сказал, что возле Дома леса ливанского собирается народ в ожидании королевского суда. Король Шломо велел впустить в зал Престола просителей и всех, кто пришёл послушать суд.

Одним из таких людей оказался Кимам бен-Барзилай – сын старейшины из Гил'ад а, приютившего короля Давида, когда тот бежал из взбунтовавшегося против него Ерушалаима. Умирая, король Давид завещал позаботиться о сыновьях Барзилая из Гил'ада, и король Шломо дал каждому из них дом с участком земли в Ерушалаиме. Кимам бен-Барзилай хотел стать судьёй и не пропускал ни одного суда. В этот вечер, вернувшись из Дома леса ливанского, он рассказал братьям:

– Пришли две блудницы к королю и стали перед ним. Одна говорит: «Господин мой, я и эта женщина живём в одном доме. Две недели назад я родила мальчика, а через три дня родила и она, и тоже мальчика. Вчера ночью сын этой женщины умер. Пока я, раба твоя, спала, она взяла моего ребёнка и положила его у своей груди, а своего мёртвого подложила мне. утром я встала покормить моего мальчика, а он – мёртвый. Но когда я присмотрелась к нему, то увидела, что это не то дитя, которое я родила». Тут другая женщина закричала: «Не верьте ей! Это её сын мёртвый, а мой живой!» – «Нет, твой сын мёртвый, а мой живой!» Так спорили они перед королём Шломо, пока он не сказал: «Принесите меч». Принесли меч, и король Шломо приказал: «Рассеките младенца надвое и отдайте половину одной женщине, и половину – другой». Тут одна из них пала на колени и закричала: «Господин мой, пусть она возьмёт себе ребёнка, только не убивайте его!» А другая сказала: «Рубите! Пусть этот мальчик не достанется ни ей, ни мне». Тогда король Шломо велел: «Отдайте дитя той, что его пожалела. Она – его мать!»

Братья Кимама восхищённо защёлкали языками.

Через несколько дней, проходя по базару, они услышали такой разговор торговцев:

– Ты заметил, ведь народ стал бояться короля Шломо!

– Это потому, что люди увидели, какую мудрость дал ему Господь, чтобы вершить суд.

Глава 8

Утром по пути к залу Престола король Шломо выслушивал городские новости. Спросил, довольно ли население новым базаром.

– Пока нет, – ответили ему. – Может оттого, что его устроили возле суда.

– Скоро люди начнут получать доход от базара, тогда и будут довольны, – пообещал король Шломо. – На осенние праздники к нам придёт караван из страны Ашшур, и увидите, как вокруг него соберётся весь Ерушалаим.

Он продиктовал сопровождающим его писцам: «Позаботиться, чтобы купцам, их верблюдам и слугам на новом базаре хватало еды и питья».

Войдя в зал, король Шломо сел в кресло и подозвал раба, которого посылал на предыдущей неделе торговать на базаре и наблюдать там за людьми. Раб-кнааней, купленный у кочевников Заиорданья, на вопросы короля отвечал подробно, называл товары и цены, кривился, вспоминая перепробованную еду, и старался не забыть ни одного происшествия, которое видел своими глазами. Оказывается, некоторые продавцы пряностей кладут каменные гири на ночь в соль, чтобы они потяжелели.

– Прямо от меня пойдёшь к Бнае бен-Иояде – мой командующий отвечает за порядок во всём Ерушалаиме и определяет наказания обманщикам, – назовёшь ему имена тех продавцов, – велел король Шломо.

– А ещё я подслушал такую историю, – сказал раб. – Два торговца обнаружили, что продают одинаковые плетёные корзины. Один подошёл к другому и шепчет: «Я знаю, прутья для корзин – ворованные, но работа тоже чего-то стоит. Нельзя продавать так дешево». Второй почесал в затылке и говорит: «Понимаешь, я ворую готовые корзины».

Король Шломо и все, кто был в зале Престола, долго смеялись.

В дверях показался Завуд – начальник правителей областей. Подойдя к королю и низко поклонившись, он заговорил о кознях соседей.

Особенно донимал иврим приграничный кнаанский городок Гезер. Тамошнее население нагло с каждым днём и не скрывало, что ополчение Гезера только и ждёт приказа из Египта, чтобы захватить соседние земли иврим.

– Разреши Бнае бен-Иояде проучить кнаанеев Гезера, – предлагал Завуд.

– Придёт время – разрешу.

Советнику Ахишару было приказано раз в месяц приводить к королю Шломо для беседы кого-нибудь из паломников, прибывающих в Ерушалаим из наделов разных ивримских племён. Однажды в Доме леса ливанского появился старейшина города Хацора, что в наделе племени Нафтали. Звали его Ахимаац бен-Шулам.

У Ахимааца бен-Шулама была густая курчавая борода, которая начиналась под скулами и спускалась под рубаху. Он рассказал, что у его отца, хозяина большой давилни, обеспечивающей маслом и вином половину надела Нафтали, разболелись ноги, и все заботы по закупке маслин и винограда и по отжиму из них в один сезон масла, в другой – сока для приготовления вина, взял на себя он, старший сын, а его сыновья ему помогают.

– Сыновей у меня шестеро, – говорил Ахимаац бен-Шулам и называл их имена.

Недавно у паломника из племени Нафтали умерла жена, и он присматривал себе в Ерушалаиме другую.

Они сидели на шкурах и беседовали.

– О вас говорил праотец Яков: «Нафтали – олень прыткий, речи его плавные», – сказал король Шломо.

– Вот хочу послушать эти «речи плавные».

И Ахимаац бен-Шулам не спеша начал:

– Как ты помнишь, южный предел племени Нафтали – у горы Тавор. На юго-западе мы – соседи надела Звулуна, на западе – Ашера, северная граница проходит по реке Литани. Земли наши обильны реками и родниками и очень плодородны – не зря наш учитель Моше сказал...

– **«Нафтали полон благоволения Господа!»** – подсказал король.

Ахимаац засмеялся.

– Продолжай, продолжай, – подбодрил его Шломо.

– В нашем племени четыре рода – по числу сыновей у Нафтали, нашего предка. Мужчин, способных носить оружие, сегодня тысяч пятьдесят. Городов у нас три: Бет-Шемеш, Хацор, Кадеш-Нафтали.

– Откуда происходил воин Барак, который повёл иврим в победный бой с кнаанеями. Это было в дни Дворы-пророчицы, – опять вставил король Шломо.

– Да, да, – закивал раскрасневшийся Ахимаац бен-Шулам.

– А ещё, под водительством славного Гидеона твои предки разбили мидианитян. Когда мой отец Давид стал королём всех иврим, на Великом собрании в Хевроне присутствовала тысяча ваших военачальников и с ними тридцать семь тысяч воинов.

– Мы и сейчас можем выставить не меньше, – заверил Ахимаац. – Господин мой, ты уже четыре года как помазан править народом иврим. А был ли ты хоть раз в наделе Эфраима? Или Иссахара, Ашера, Звулуна? Да хотя бы и у нас, в наделе Нафтали?

– Нет. Я не был в северных племенах. Советники сказали: «Не ездь, тебя там убьют».

– Пожалуй, могли, – согласился Ахимаац бен-Шулам. – Многие у нас были злы на твоего отца, короля Давида, и на тебя тоже за побрякушки, которые вы делали своему племени Иуды. Говорили: «Мало того, что Иуда не платит подати, так Шломо ещё и освободил “своих” от работ в Леваноне». Но теперь в наших племенах люди настроены по-другому. Главное, они теперь заняты работой.

– Продолжай. Чем заняты иврим в наделе Нафтали? Какие у вас отношения с соседями? Знаете ли вы, что скоро у нас будет Храм в Ерушалаиме? Как живут иврим на севере Эрец-Израэль?

Ахимаац бен-Шулам стал рассказывать.

– Недавно я был там, закупал маслины для своей давальни. Могу сказать тебе, господин мой король, что строительство Храма изменило жизнь у нас на севере. В пещерах на горе Кармель ломают камень. Там же его обтёсывают и отправляют в Ерушалаим. Теперь железная, медная и оловянная руды...

– Откуда они у вас? – перебил Шломо.

– Из дани стран, которые завоевал король Давид. По твоему указу, господин мой король, эти руды плавят и обрабатывают мастера-иврим в наделах племён Ашера и Нафтали. А после того, как ты установил на севере лагеря нового войска...

– Колесничего?

– Да, колесничего. Ты поставил его в Хацоре, Мегидо, Бет-Шемеше, и теперь эти города обносят стенами и сооружают в них мощные ворота и большие склады для оружия и зерна. Опять работа!

Король Шломо слушал и думал: «Надолго ли у них мир с Ерушалаимом? Нет, племя Эфраима и его союзники ненадёжны. Они готовы взбунтоваться в любую минуту. Случится ли засуха или землетрясение, нападут ли кочевники – северяне тут же отложатся от Ерушалаима. Как мудр был отец мой, король Давид, завещав мне ослабить власть старейшин племён».

Ахимаац бен-Шулам замолчал. Король Шломо поднялся и ходил по комнате, заложив руки за спину. Остановился возле гостя, спросил:

– Как думаешь, хорошо будет, если выделить такую область: присоединить к наделу Нафтали земли на северном побережье Киннерета¹⁴, а на западе, наоборот, отдать часть вашего надела Ашеру?

Ахимаац бен-Шулам растерялся.

– А можно не отдавать?

Шломо улыбнулся. Предложил:

– Ты подумай, посоветуйся и в следующее паломничество в Ерушалаим ответишь.

– С одной стороны, рыбная ловля в Киннерете – большой доход, – бормотал Ахимаац бен-Шулам.

– Сможете один месяц в году платить за всех иврим подати на армию, на Ерушалаим, а скоро и на Храм?

– Сможем, но я не понимаю, господин мой. Если в такой области будет не только наше племя, кого же ты назначишь её правителем? – спросил нафталиец.

– Тебя. Справишься?

Ахимаац бен-Шулам совсем растерялся.

– Всё в руках Божьих...

– Верно, – король Шломо перестал шагать, вернулся к гостю и сел. – Но вот пророк Натан повторял нам, его ученикам: «Не по своему желанию ты рождён, вопреки ему умрёшь, но то, как ты живёшь, – по твоей воле».

Король Шломо хлопнул в ладоши, и слуги принесли спелые гранаты. Вместе со слугами появилась дочь Шломо Басемат и передала ему небольшой свиток пергамента. Король развернул его, прочёл, кивнул и вернул дочери. Он обратил внимание на взгляд гостя из Хацора вслед Басемат.

– Сколько лет твоей дочери? – спросил Ахимаац бен-Шулам, когда они остались одни.

– Десять. Через два года можешь свататься, – пошутил король Шломо.

Нафталиец покраснел.

– Такая честь! – прошептал он. Потом спросил: – Ты никогда не видел Киннерет?

Прежде, чем король ответил, слуга внёс большую миску с водой. Король Шломо и Ахимаац бен-Шулам посмотрели друг на друга и рассмеялись: оба были перемазаны гранатовым соком.

– Так ты бывал на Киннерете, мой господин?

– Да. С моей матерью Бат-Шевой. Когда мне было лет пять, мы ездили в Эйн-Гев. Я запомнил, как наш караван через перевал вошёл в узкую долину и как мы обрадовались, когда после бесцветных холмов вдоль всей дороги перед нами возникла огромная синяя чаша с каймой из розовых гор. Проводник сказал: «Вот он, Киннерет!» Весь наш караван благодарил Бога за то, что дал нам, потомкам Авраама, такую прекрасную землю. И за счастье увидеть Киннерет. Потом верблюды прошли к берегу, и, пока их развьючивали, я подобрался к воде, зачерпнул её рукой и осторожно отпил. И сейчас ещё помню вкус и запах той воды! Хотелось выпить Киннерет весь, чтобы он больше никому не достался. Я просил мою мать Бат-Шеву оставить меня на берегу. Помню, как дядя Оцем поднял меня на своего верблюда, и мы поехали вокруг Киннерета. Потом я часто приставал к нему: «Как же так, три реки вливаются в Киннерет, а он не переполняется?» – «Потому что из него вытекает Иордан». – «Хорошо, Иордан потом впадает в Солёное море, – не отставал я. – А оттуда не вытекает ни одна река. Почему же не переполняется Солёное море?» Но не только дядя Оцем, никто не мог мне ответить. Все говорили: «Так создал Бог».

Шломо замолчал и задумался. Ахимаац бен-Шулам кашлянул и прикрыл рот рукой.

– Ты можешь идти, – спохватился король. – Я пришлю за тобой, когда ты понадобишься.

¹⁴ Киннерет – озеро на севере Израиля, оно же Галилейское море и Генисаретское море и озеро.

Ахимаац бен-Шулам низко поклонился и вышел.

Шломо прикрыл глаза и увидел будущий Храм.

Ковчег Завета и все священные предметы уже стояли в нём. Уже были принесены жертвы, первосвященник Цадок и он, король Шломо, освятили помещения. Народ в торжественном молчании выслушал молитву своего короля.

«А что будет потом? – спрашивал себя Шломо. – Не станут ли люди бояться Храма? Скоро ли привыкнут приходить в него, в дом Бога, и – молиться?»

Кто-то тронул его за плечо.

– Шломо! – перед ним светилось улыбающееся лицо Наамы. – Где я тебя нашла, господин мой?

Он засмеялся.

– Мы условились пойти вечером принести жертву, чтобы роды были лёгкими и чтобы родился мальчик, – напомнила Наама.

Шломо поднялся.

– Идём!

Солнце только что село, и небо над Ивусейским холмом остывало. Сложенные из местных камней стены домов на террасах Города Давида, серебристо-лиловые на восходе, стали золотисто-коричневыми.

Омыв лицо и руки в неутомном источнике Тихон, Шломо и Наама поднимались по тропе к себе в Город Давида. Одежды их были пропитаны дымом от горевшего на жертвеннике мяса и запахом цветов и трав, затопивших землю. На склоне над долиной Кидрон виднелось несколько пастушеских шалашей, сложенных из веток. Шломо и Наама остановились и взгляделись. «Вон тот – наш!» – подумали оба. Они переглянулись и засмеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.